

ДУБЛЕТНЫЕ ГРАФЕМЫ В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ «СТАТИР»: АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ ВЫБОРА

В статье рассматривается рукописный сборник «Статир», созданный в XVII в. в вотчине Строгановых неизвестным автором. Проблема исследования заключается в выявлении образа автора как языковой личности и определении ее уникальности, выраженной в лингвистических особенностях текста. Основное внимание уделено изучению особенностей графики автора, в частности употребления им целого ряда дублетных графем. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев автор следует сложившейся к тому времени языковой традиции, что свидетельствует о высоком уровне грамотности и подготовки создателя этого уникального текста.

Ключевые слова: «Статир», рукопись XVII в., графика, дублетные графемы, история графики.

A. Nesterova

DUPLICATE GRAPHEMES IN MANUSCRIPT “STATIR”: AUTHORS STRATEGY OF CHOICE

The author observes the manuscript “Statir”, which was created in 19th century at the Stroganovs’ ancestral lands by an unknown author. The problem of research is identification of author as a linguistic persona as well as showing up its uniqueness, that expressed by the linguistic characteristics of the text. It focused on studying the features of author’s writing, in particular how he used a number of duplicate graphemes. In conclusion the author of the article says that in most cases the manuscript author followed the formed linguistic tradition of that time. It proves that the literacy and skilled rate of this unique text creator were high.

Key words: “Statir”, 19th century manuscript, writing, graphemes, history of writing.

Среди всего богатства и многообразия древнерусской литературы существует множество малоисследованных памятников письменности. К таким памятникам относится «Статир» – рукописный сборник XVII в¹. Этот сборник авторских проповедей представляет собой уникальное произведение, по самобытности и художественной выразительности сопоставимое с сочинениями таких авторов, как протопоп Аввакум и Симеон Полоцкий. Как известно, к XVII в. еще не сложилась традиция повсеместного написания проповедей от первого лица. Автор же данной рукописи не только принимает решение составить собственные проповеди, но и выказывает удивительную самостоятельность в суждениях и выводах, опираясь, безусловно, на существовавшую традицию гомилетики. Эти особенности вызывают интерес к автору как создателю текста и обуславливают актуальность изучения данной рукописи как уникального авторского текста. Ценность данной рукописи предопределяется ее связью с местом создания – Прикамьем, вотчиной Строгановых в XVII в.

К сожалению, зная место написания данной рукописи (Орел-городок) и время ее создания (конец XVII в.), мы не можем назвать имя создателя. Оно оказалось скрыто по невыясненным причинам [Соболева, Мангилев]. Попытки определить его до настоящего времени не являются убедительными [Соболева]. Столь же малоудовлетворительны публикации текстов сборника, в большинстве своем далеко стоящие от оригинала [Красильникова]. Особенности написания оригинальной рукописи попытался передать при ее описании А. Востоков, опубликовав отрывок из авторского предисловия [Востоков, с. 629–633]. Принципиально отказался от передачи особенностей языка и графического облика рукописи И. Яхонтов, публикуя отдельные проповеди из сборника [Яхонтов]. В наибольшей степени приблизилась к воссозданию особенностей текста публикация Н. Ф. Сгибневой, но вопрос о графическом облике рукописи в ней также не ставился [Сгибнева].

Перспективной задачей нашего исследования является многогранное, комплексное изучение данного рукописного сборника как литературного и языкового феномена конца XVII в. На данном этапе

¹ РГБ. Собр. Румянцева № 411. Сборник слов и поучений «Статир». 1683–1684 гг. 815 лл. 4° (30×25), п/у одного почерка, авторская нумерация листов: 1–17 (I счета), 1–517 (II счета), 1–279 (III счета). Сбой нумерации: пропущены лл. 474 (II сч.), 187 (III сч.); нумерованы дважды лл. 439, 443 (II сч.), 189 (III сч.). Утрачены лл. 250, 251 (III сч.).

исследования проблемой представляется выявление образа автора как языковой личности и определение ее уникальности, выраженной в лингвистических особенностях авторского текста. Так как это – рукопись, мы решили начать изучение с описания ее графического облика, что позволит рассмотреть автора как писца. Внешний облик рукописи – это то, с чем в первую очередь имеет дело читатель, а изучение графического облика будет неполноценным без осмысления его содержания. К изучению собственно графики какой-либо конкретной рукописи исследователи обращались преимущественно тогда, когда определенные графемы передавали диалектные особенности текста [Евгеньева, с. 112]. Однако с точки зрения изучения авторской индивидуальной манеры рассмотрение графики осуществлялось довольно редко.

Это предопределило задачу данной работы – изучение особенностей графики автора, выраженных в употреблении целого ряда графем, и степени его соответствия нормам конца XVII в. Цель данного исследования – выявить своеобразие автора, выраженное в стратегии (или отсутствии стратегии) выбора определенных графем, описав особенности их употребления.

Особенно ярко авторская манера выявляется при употреблении автором в тексте дублетных графем.

Дублетные графемы – это буквы, имеющие разное графическое выражение, но обозначающие один и тот же звук. Именно это делает их особо показательными при изучении особенностей графики конкретного автора. Выбор той или иной графемы зависел от определенных орфографических правил, которыми писец мог владеть. Часть этих правил известна нам: их формулировки сохранились в грамматике Мелетия Смотрицкого, изданной в 1648 г. и хорошо известной писцам. Однако в ней описаны не все случаи, способные вызвать сомнение при выборе нужной графемы. Поэтому возникает закономерный вопрос, на что в такие моменты опирался автор «Статира»: на свой читательский опыт, языковое чутье, на какие-то иные правила – или же он совсем не задумывался над выбором того или иного символа, подчиняясь случайности.

Стоит отметить, что орфография в XVII в. находилась в это время на стадии формирования формализованного описания, и в грамматиках приводились далеко не все затруднительные случаи, и не все прописанные правила предполагали неукоснительное следование им. Это, во-первых, дает основание полагать, что несоответствие некоторых вариантов напи-

сания изложенным правилам еще не характеризует автора как безграмотного человека, а во-вторых, придает исследованию особое направление. Авторский текст рассматривается не в ключе правильного или ошибочного написания тех или иных слов, окончаний, аффиксов, а как отдельное, самобытное языковое явление, основной задачей исследования которого является его описание, которое в дальнейшем позволит внести некоторые особые черты в характеристику автора как писца. На данном этапе – с точки зрения графики. В целях углубления описания авторская графика по возможности сравнивается с уже сформулированными к тому времени правилами письма и с существовавшей языковой традицией.

Изучение особенностей употребления той или иной графемы, попытка понять, существует ли логика выбора одной из них, а также попытка рассмотреть, насколько выбор автора опирается на орфографическую традицию своего времени, позволяет охарактеризовать автора как писца и выявить некоторые отдельные аспекты его письменной речи. Именно поэтому мы остановили свой выбор на наиболее ярких группах дублетных букв. Объектом исследования является употребление автором ряда графем. Предмет исследования – своеобразие употребления автором графем, через которое проявляется лицо автора как писца.

Исследование проводилось на материале текста введения к рукописному сборнику «Статир». Нами было выбрано именно введение, так как это речь, возникшая непосредственно в сознании автора, это прямое изложение его мыслей, не ограниченное строгим каноном или тематикой, и авторское своеобразие, авторская установка на употребление тех или иных графем проявляется в нем ярче всего. Для сопоставления в качестве основных источников были взяты «Грамматика» Мелетия Смотрицкого 1648 г. и печатное издание Симеона Полоцкого (в частности «Обед душевный» как наиболее близкое по жанру произведение). Также мы часто обращались к труду И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам».

В ходе исследования был рассмотрен целый ряд дублетных графем: графемы **ѣ** «ять» и **є** «есть», **ї** «и десятиричное» и **и** «и восьмеричное», **ѣ** «ук» и **оу** «оник», **ѣ** «юс малый» и **ѣ** «я», **ѣ** «омега» и **о** «он». Нам представляется необходимым привести в данной статье сформировавшиеся к тому времени правила и закономерности написания дублетных графем для того, чтобы читатели имели возможность оценить всю слож-

ность языковой системы этого периода. Начнем с рассмотрения употребления одной из самых сложных пар.

Употребление графем ѣ «ять» и є «есть»

В XVII в. существовало несколько правил, согласно которым выбиралась одна из этих графем. Так, в грамматике Мелетия Смотрицкого отмечаются правила употребления ѣ в окончаниях существительных. Также ѣ встречалась во многих грамматических формах и образованиях. Помимо этого существовал ряд слов, в корнях которых должна была писаться ѣ.

Проанализировав все случаи употребления данной графемы в указанном отрывке текста, мы выявили, что автор, за исключением нескольких случаев, делает выбор, полностью соответствовавший традиции написания XVII в. В зависимости от позиции графем ѣ и є при проверке написания за основу были взяты разные источники.

Ѣ/є в корнях слов. Написание сравнивалось с вариантами написания, указанными в словаре древнерусского языка Срезневского [Срезневский], некоторые слова сверялись с печатными изданиями Симеона Полоцкого [Полоцкий]. Употребление графем в авторском тексте совпадает с указанными вариантами в источниках (например, **вѣрное**, **грѣхови**, **невѣжа**, **пѣназь**, **плевелъ** и др.) Однако не все случаи соответствуют указанным вариантам в избранных для сравнения источниках. Так, слово «время» написано в тексте рукописи через графему «есть», тогда как словарь Срезневского предлагает два варианта: либо **врѣмя** (через «ять»), либо **веремь** (с двумя графемами «есть»). Так как автор создает письменный текст и, скорее всего, исходит из литературной традиции, которая предполагала неполногласие, можно сказать, что в данном случае автор отступает от нормы и ставит графему є «есть» на месте графемы ѣ «ять».

Ѣ/є в окончаниях. Ѣ писалась в местном падеже единственного и множественного числа существительных и прилагательных мужского и среднего рода (источники – пособия по истории русского языка [Иванов; История русского языка], учебник церковнославянской орфографии [Маршева]). У автора мы наблюдаем именно такое написание, нигде в указанных формах графема є «есть» им не используется (например, **в раздѣѣ**, **во грѣсѣхъ**, **в родѣ** и др.) Также графема ѣ «ять» писалась в окончаниях некоторых форм личных местоимений и возвратного местоимения, что мы и наблюдаем в авторском тексте (например, **миѣже**, **миѣ**, **сеѣѣ** – д. п., ед. ч.). Причем автор очень четко демон-

стрирует различие написания для разных грамматических форм: так, в местоимении **мене** в в. п. ед. ч. им употреблена графема «есть», а в д. п. ед. ч. – «ять» (**мнѣ**).

Ѣ/е в суффиксах. В суффиксе превосходной степени сравнения прилагательного **-ѣйш-** писалась графема **ѣ**, что мы и наблюдаем у автора (**верховнѣйшаго, теплѣйшаго, богатѣйшемѣ**). Также в наречии **нынѣ** на конце пишется **ѣ** (согласно словарю Срезневского) – написание автора соответствует данной традиции (**доннынѣ**).

Ѣ/е в суффиксах глаголов. Отдельно стоит рассмотреть употребление данной дублетной пары в суффиксах глаголов. В Грамматике Смотрицкого практически нет сведений об употреблении **ѣ** «ять» в глаголах. Однако в работах по истории русского языка отмечаются следующие закономерности: на месте гласного звука [е] в основе инфинитива должна была стоять графема **ѣ** «ять» (в этом случае она обозначала звук [ĕ], в более раннюю эпоху произносившийся иначе, чем гласный [е]), а в основе настоящего времени должна была стоять графема **е** «есть» – безусловно, в том случае, если гласная не входила в состав корня. В тексте мы находим полное соответствие данной норме (опять же, за исключением пары случаев). В суффиксах глаголов и отглагольных существительных, при образовании которых использовалась основа инфинитива, стоит нужная графема (**ѣ** «ять»): **повелѣ, повелѣніе, хотѣніа**. Как раз в одном из таких отглагольных существительных встречается отступление от указанной нормы: в слове **смотреніа** в составе суффикса на месте **ѣ** «ять» употребляется графема **е** «есть». В суффиксах глаголов и причастий, при образовании которых использовалась основа настоящего времени, также стоит нужная графема (**е** «есть»): **обрѣтает, истажет, пріймет, имеши, постижаемаа, снѣдающе, зазирающе** и т. д.

Можно сделать вывод, что употребление автором дублетных графем «ять» и «есть» практически полностью соответствовало письменной традиции XVII в., но при этом имеются случаи отступлений и так называемой непоследовательности в выборе графем.

Перейдем к ознакомлению с результатами изучения употребления автором других дублетных пар.

Употребление графем **ї «и десятеричное» и **и** «и восьмеричное»**

Согласно правилу дореволюционного учебника грамматики, а также заметкам в грамматике Мелетия Смотрицкого, **ї** «и десятеричное» стави-

лось перед гласными и **и**, а **и** «и восьмеричное» – в остальных позициях (за исключением слова **міръ** в значении «вселенная»). Автор очень последователен в использовании этих графем. Нигде не встречается случая, противоречащего данному правилу: даже слово-исключение **міръ** написано в соответствии с ним (**міръ**, **мірскѣи**).

ї «и десятеричное» также имело свои варианты написания. В тексте наблюдается лишь один случай непоследовательности автора: в имени собственном **ѢСѢДИЛАКТЪ** стоит **ї** «и десятеричное» (причем с тремя точками), а в двух других случаях то же имя написано с **и** «и восьмеричным» (**ѢѢФИЛАКТА**, **ѢѢФИЛАКТЪ**). Возможно, это связано с тем, что имя заимствованное и к тому времени еще не закрепились определенная норма написания таких имен.

Помимо этого, в рукописи встречается **ѵ** «ижица», употребление которой соответствует норме того периода.

Таким образом, можно сказать, что при употреблении графем **ї** «и десятеричное», **и** «и восьмеричное» и **ѵ** «ижица» автор очень близок к нормам конца XVII в.

Употребление графем ъ «ук» и оѣ «оник»

Согласно «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, **ѡ** «ук» писался в середине и на конце слова, а **оѣ** «оник» – в начале. Однако сам Смотрицкий отмечает, что эта закономерность не была устоявшейся и допускала варьирование, причем четких описаний исключений не приводится. Можно сделать вывод о том, что к XVII в. норма написания данных графем еще не сформировалась (в современных же грамматиках церковнославянского языка правило, описанное выше, не имеет исключений). Автор в подавляющем большинстве случаев употребляет данные графемы в соответствии с правилом, изложенном в «Грамматике» Смотрицкого, но также встречаются случаи не обусловленного этим правилом употребления обеих графем.

Графема **ѡ** «ук» иногда употребляется автором в начале слова, например в слове **ѡбогѣи** и однокоренных ему словах (**ѡбожаншемѡ**, **ѡбогаго**), за исключением одного случая (**мои оѣвогѣи трѡда**). Также отступления от правила наблюдаются в некоторых других словах (**ѡгодниковѡ**, **ѡтешение**, **ѡченицы**). Интересным представляется написание слова «унынием»: во всех других случаях это слово написано слитно с предлогом, и, таким образом, графема **ѡ** «ук» оказывается в середине

слова, что соответствует правилу. Возможно, окружение из таких слов повлияло на выбор автором данной графемы и в начале слова.

Графема **ѡѣ** «оник» во всех случаях употребляется автором в начале слова, что соответствует правилу. Лишь в одном слове – **исѣса** – в середине слова употреблена графема, которая практически не встречается в рукописи – **ѡѣ** «оник», представленный в неполном виде – **ѣ**. Такая графема встречается в некоторых примерах, приводимых Мелетием Смотрицким в «Грамматике». Однако объяснить выбор данного варианта автором пока представляется затруднительным.

Таким образом, автор рукописи полностью следовал сложившейся на тот период традиции, которая включала в себя тенденцию в написании графем **ѡ** «ук» и **ѡѣ** «оник» в определенной позиции в слове, но не предполагала четкого разграничения в употреблении данных дублетных графем.

Употребление графем **ѡ «юс малый» и **ѡѣ** «я»**

В соответствии с грамматикой Смотрицкого, **ѡ** «юс малый» писался на конце слова и в середине (исключение – слово **ѡзѣкъ** в смысле органа речи: в нем **ѡ** «юс малый» писался в начале слова), а в прочих случаях (т. е. в начале слова) использовалась лигатура **ѡѣ** «я». Автор «Статира» неукоснительно следует этому правилу. Интересно отметить, что часто союзы или предлоги примыкают к слову, которое начинается с **ѡѣ** «я», но при этом «я» сохраняет свое начертание (**поѡѣкѡвои, ѡѣже, ѡѣко**). Единственный случай отступления от этого принципа – однократное использование вместо **ѡ** «юса малого» **ѡѣ** «я» в слове **ѡѣвити**, хотя в тексте несколько раз встречается это же слово (в различных грамматических формах) с **ѡ** «юсом малым», т. е. в соответствии с правилом (**ѡѣвити, ѡѣвлю, ѡѣвихъ**). Можно предположить, что приставка из- была осмыслена автором в качестве предлога и оказала свое влияние близость сочетания **поѡѣкѡвои** (с него начинается следующее предложение) – может быть, произошла своеобразная дистактная регрессивная ассимиляция.

В суффиксах деепричастий также наблюдается интересная ситуация. Везде, где требуется деепричастный суффикс -я, автор использует графический вариант **ѡ** «юс малый» (**имѣѡ, ѡбличаѡ, ѡповѡѡ**), а в случае, где деепричастие оканчивается двумя графемами **ѡѣ** я, наряду с дублированным **ѡ** «юсом малым» встречается одно сочетание **ѡ** «юса малого» с **ѡѣ** «я» (**искоренѡѡ, поспѡвѡѡѡ, но помѣшлѡѡѡ**). Объяснение такому употреблению найти трудно (возможно, тоже описка), в грамматике Смотриц-

кого также не отмечаются закономерности написания финалей деепричастий.

Таким образом, употребление графем автором опять же совпадает с существовавшими правилами письма, но все же мы находим некоторую вариативность в использовании тех или иных графем.

Употребление графем ѡ «омега» и Ѧ «он»

Роль графемы ѡ «омега» была очень важна в языке XVII в., чаще всего эта графема имела форморазличительную функцию. Помимо этого, она употреблялась в отдельных случаях. После обобщения множества правил, встречающихся в различных источниках, нами была сделана попытка сопоставить случаи употребления графем Ѧ «он» и ѡ «омега» автором с этими правилами. Во всех случаях вариант автора соответствовал существовавшему грамматически обусловленному правилу (ѡ «омега» в предлогах, в приставках глаголов, имен, наречий и причастий). Стоит подробнее рассмотреть случаи, в которых наблюдаются отступления и варьирование.

ѡ/Ѧ в окончаниях имен и местоимений. Согласно учебнику орфографии современного церковнославянского языка, ѡ «омега» и Ѧ «он» используются для различения форм родительного и винительного падежей соответственно (у согласованных частей речи ед. ч. м. и ср. р.) В грамматике Смотрицкого тоже отмечается, что ѡ «омега» пишется на конце таких слов р. п. ед. ч. После многочисленных попыток установить логику выбора в авторском тексте того или иного окончания в этих формах был сделан вывод, что, скорее всего, этой логики не было. Вероятнее всего, автор с данным правилом знаком не был, или, судя по формулировке его в «Грамматике» Смотрицкого, четкого правила в то время сформулировано еще в принципе не было.

ѡ/Ѧ в наречиях. В соответствии с правилами, изложенными в учебнике орфографии современного церковнославянского языка, ѡ «омега» и Ѧ «он» используются также для различения наречий и кратких прилагательных соответственно. «Грамматика» Мелетия Смотрицкого излагает сходные по смыслу правила. Употребление графем автора частично совпадает с данной нормой, и в выборе графем автор довольно последователен.

ѡ/Ѧ в союзе ако. В «Грамматике» Мелетия Смотрицкого присутствует описание только одного варианта союза ако, и он всегда пишется с графемой ѡ «омега». Так, «Грамматика» Мелетия Смотрицкого

не предполагала никакого варьирования в разряде союза и в отнесении слова «**как**» к другим частям речи, в зависимости от которого, может быть, могло бы различаться его написание. Набор совершенно разных вариантов в разных позициях в предложении мы находим у автора «Статира» (исследуемой рукописи). Союз **ако** пишется у него как через **ω** «омегу», так и через **о** «он». Можно лишь попробовать выявить нечеткую закономерность: в случаях, где союз **как** употребляется в значении «так как», «потому что», чаще всего встречается вариант написания с графемой **ω** «омега» на конце (например, **не имать дани даапи, какъ прнѣи снѣъ црѣа славы; всабо вѣдаще, какъ всевидецъ вгѣъ** и др.) Когда же этот союз употребляется в значении «как» и за ним следует непосредственное сравнение, автор (опять же – в большинстве случаев) использует на конце графему **о** «он» (например, **какъ непотрѣвию плевелъ; какъ гнѣснаго вепра; какъ младое отроча** и т. д.) Между этими двумя случаями четкая граница отсутствует.

Итак, сложно сделать какие-либо выводы относительно употребления автором графем **о** «он» и **ω** «омега». В большинстве случаев их написание полностью соответствует языковой традиции, хотя имеются варианты отличного употребления, которые, скорее всего, не обусловлены какими-либо собственными закономерностями автора.

Подводя итог, стоит обозначить выводы, которые были сделаны после проведения исследования.

В подавляющем большинстве случаев автор так или иначе опирается на существовавшую в XVII в. языковую традицию, что выражается в соответствии употребления им дублетных графем нормам, сформулированным к тому времени. Отступления от данных правил можно назвать не систематическими, и варианты написания автора, отличные от предлагавшихся в «Грамматике» и других источниках, чаще всего не обнаруживают наличие какой-либо собственной авторской закономерности. Эти отступления обычно представляют собой единичные случаи в целом ряду соответствующих норме употреблений, но, несмотря на их немногочисленность в рамках отдельных пар дублетных графем, в совокупности они дают довольно значительную группу, которая позволяет говорить о наличии своеобразия, выражающегося в неполном соответствии норме того периода.

Автора можно охарактеризовать как грамотного писца, именно относительно употребления рассмотренного ряда графем, которое, как это выяснилось в ходе исследования, зачастую было тесно связано с грамматикой языка. Можно утверждать, что, если автор не изучал «Граматику» Мелетия Смотрицкого (единственный труд на тот период, полностью систематизировавший язык), о чем могут свидетельствовать некоторые расхождения с ней, то, во всяком случае, имел огромный читательский опыт, который позволил ему четко различать употребление графем, обозначающих один и тот же звук. Расхождения с «Грамматикой» Смотрицкого могут свидетельствовать также не о недостаточной изученности ее текста автором, а о том, что автор имел собственные причины не следовать всем изложенным в ней правилам без исключения. Возможно, создатель рукописи руководствовался какими-либо собственными правилами, закономерность которых не удалось выявить на данном этапе исследования, возможно, им двигала привычка употребления отдельных слов именно в таком виде (которая, безусловно, также была сформирована на основании определенных источников). Также можно сделать предположение, что автор имел наставника, который передал ему свой опыт письма, и, таким образом, создатель «Статира» совместил в себе различные черты, заимствованные из каждого источника, так или иначе повлиявшего на формирование его как языковой личности. Но последние суждения остаются на уровне предположений. С уверенностью же можно сказать, что автор, несомненно, имел источник, позволивший ему сформировать в определенной степени грамотную речь (пока что мы выяснили, что она была таковой в одном из своих аспектов) и опираться на языковой и литературный опыт, сформировавшийся к XVII в.

Таким образом, поставленную проблему – выявление образа автора как языковой личности в аспекте его умения использовать дуплетные графемы, что было наиболее затруднительным моментом для грамотного написания текстов, – для данного этапа исследования можно считать решенной. В перспективе планируется перейти к рассмотрению других языковых и стилистических особенностей рукописи, что позволит составить целостный образ автора и перейти к глубокому изучению ее богатого смыслового плана.

Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1842. 903 с.

Грот Я. К. Русское правописание. 11-е изд. Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1894. 164 с.

Евгеньева А. П. «Сказание о киевских богатырех как ходили во Царьград и как побили цареградских богатырей учинили себе честь» по списку XVII века : заметки о языке и стиле // Труды отдела древне-русской литературы. Т. 5 Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 304 с.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка : учебник. Москва : Просвещение, 1990. 400 с.

История русского языка : учеб.-метод. пособие / О. А. Теуш, Е. Л. Березович, Л. Г. Гусева, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 70 с.

Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Москва : Наука, 1979. 517 с.

Красильникова А. А. Лепта к «Статиру»: полемические заметки о современной презентации памятника XVII в. // Библиосфера. 2013. № 3. С. 29–35.

Кульман Н. К. Методика русского языка / 4-е изд. Петроград : Издания Я. Башмакова и К°, 1914. 288 с.

Маршева Л. И. Орфография церковнославянского языка. Теоретический очерк. Упражнения. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 63 с.

Петров К. Ф. Русский язык. Опыт практического изучения русской грамматики. 27-е изд. Москва : Тип. Сытина И. Д., 1915. 145 с.

Полоцкий Симеон. Обед душевный. Москва : Тип. Верхняя, 1681. 771 л.

Сгибнева Н. Ф. «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет...»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей конца XVII в. «Статир» // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 2 (90). С. 223–237.

Смотрицкий М. Грамматика. Москва : Печатный двор, 1648. 378 л.

Соболева Л. С. Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 8: Филология. С. 175–186.

Соболева Л. С., Мангилов Петр, прот. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История : материалы II Всероссийской науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург : Информ.-изд. отдел ЕДС, 2014. С. 134–145.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / труд И. И. Срезневского в 3 томах. Санкт-Петербург : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. 1893–1902.

Хабургаев Г. А. Старославянский язык : учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература» / глав. ред. Г. В. Карпюк. 3-е изд. Москва : Альянс, 2012. 288 с.

Яхонтов И. К. Русский проповедник XVII столетия // Духовная беседа. 1858. № 40. С. 26–38; Там же. № 44. С. 141–149.